

Смешной детектив

Читайте смешные детективы Натали Александровой

Сыщица-любительница Надежда Лебедева

Рассмешить Бога
Серенада для шефа
Потусторонним вход воспрещен!
Отмычка от разбитого сердца
Клуб шальных бабок
Финита ля трагедия
Чемоданчик Пандоры
Персона царских кровей
Диета против пистолета
Дегустация волшебства
Компромат на суженого
Испытательный срок для киллера
Дешево и смертельно
Капкан для маньяка
Сафари на гиен
Магистры черно-белой магии
Приманка для компьютерной мыши
Не мяукайте с неизвестными
Много шума из косметички
Трам-парам, шерше ля фам
Дама с жвачкой
Украшение китайской бабушки
Фея с благими намерениями
Босс, наркоз и любопытный нос
Где купить демона?
Укол китайским зонтиком

Три подруги-сыщицы

Покер с невидимкой
Бой с ленью
Бриллиантовая уха
Дорогая, я женюсь на львице
В деле только девушки
Бегемот и муза
Три курицы на Плющихе
Бриллиант из крокодиловых слез
Место встречи изменить легко

Аферисты Леня Маркиз и Лола

Проделки небожительницы
Призрак фокусника
До последней звезды
Карамельные неприятности
Миллион черных роз
Небо в шоколаде
До свадьбы заживет
Король изумрудов
Муж, который живет на крыше
Тайное сокровище олигарха
Приятных кошмаров
Альковная тайна содержанки
Не злите джинна из бутылки
Гарем без проблем
Сон в брачную ночь
Джакузи для Офелии
Русалку за хвост не удержать
Фаберже дороже денег
Причуды графа Дракулы
Кастинг Синей Бороды
Преступление в десять карат
Любовь, морковь, свекровь
Криминал в цветочек
Распиливать женщину строго воспрещается
Рассмеши дедушку Фрейда
Гоните ваши денежки
Пролетая над пучком петрушки
Призрак мыльной оперы
Секрет одноглазой Фемиды
Приманка для Цербера
Ключик к Железному дровосеку
Цапки из sklepa
Фортуна на всю катушку
Шпион на поводке
Пантера в гипсе
Тур поехавшей крыши
Двойник на подмогу
Секрет под перьями

Наталья Александрова

СЕКРЕТ ПОД ПЕРЬЯМИ

Москва
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А46

Редактор серии *Е. Ирмеш*
Оформление серии *Е. Петровой*
Дизайн обложки *А. Зининой*

Александрова, Наталья Николаевна.

А46 Секрет под перьями / Наталья Александрова. —
Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-206084-7

Сергей Зозулин долго искал женщину своей мечты и обрел ее в лице милой провинциальной девушки Наденьки. Когда он, наконец, решился сделать возлюбленной предложение, в ресторан неожиданно ворвалась неизвестная брюнетка и под видом жены Сергея устроила скандал. Наденька, не выдержав позора, сбежала в неизвестном направлении. Сергей безутешен и не знает, что за тайные враги разрушили его счастье таким коварным образом. Он обращается к специалисту по щекотливым делам Лене Маркизу и его напарнице Лоле...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-206084-7

© Александрова Н.Н., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Аплодисменты смолкли, и зрители потянулись в фойе. Кто просто прогуливался, кто обсуждал голоса солистов. Женщины поправляли перед зеркалом прически и ревниво разглядывали наряды знакомых.

Прилично, но несколько старомодно одетый мужчина лет шестидесяти пяти по обыкновению направился в театральный буфет.

Дома он практически не употреблял спиртного, считал, что для одинокого человека это прямой путь к алкоголизму, но в театре, особенно в оперном, непременно выпивал бокал шампанского или пятьдесят грамм коньяку. Так сказать, для полноты ощущений.

Вот и сейчас он взял бокал с золотистым напитком и направился к свободному столику.

Однако не успел он пригубить коньяк, как рядом с ним раздался неприятный гнусавый голос:

— Папаша, можно присоседиться?

— Присаживайтесь, — машинально ответив согласием, пожилой мужчина поднял глаза.

Его сосед выглядел очень странно. То есть, разумеется, на улице или в общественном транспорте он смотрелся бы вполне нормально: короткая

стрижка, мясистый загривок, маленькие злые глазки, глядящие исподлобья, кожаная куртка, едва не лопающаяся на широких плечах... такие субъекты сейчас встречаются буквально на каждом шагу, но в оперном театре, на «Тоске», подобный персонаж казался неуместным. Пожилой мужчина невольно отстранился и оглядел соседние столики — нет ли за ними свободного места.

— Что, папаша, не нравлюсь? — сосед осклабился, сверкнув золотым зубом, и положил на стол тяжелую руку с короткими, поросшими рыжим волосом пальцами. — Не дрейфь, пробьемся!

— Отчего же? — пожилой мужчина постарался вежливо улыбнуться. — Я хорошо отношусь к современной молодежи... особенно если она тянется к культуре. Вот вы, молодой человек, пришли в театр... значит, вам нравится опера?

— Не особенно... — признался золотозубый. — Честно говоря, папаша, я эту оперу терпеть ненавижу. Вот опер у меня был знакомый, так я бы его просто голыми руками задушил! Редкая сволочь...

— Если позволите, я пойду, — пожилой мужчина начал приподниматься из-за стола. — Кажется, уже был первый звонок...

— Не спеши, папаша! — золотозубый положил руку ему на плечо и с силой придавил. — Ты вон, я гляжу, еще бормотуху свою не выпил! Сиди, расслабляйся...

— Что вы себе позволяете... — пожилой скосил глаза на короткопалую руку и разглядел на ней лагерьные татуировки. Старое сердце тревожно заби-

лось, во рту пересохло. Он взял себя в руки и сильным движением плеча сбросил ладонь уголовного, негромко проговорив:

— Остынь, парень! Здесь тебе не дешевый кабак!

— Ага, и не зареченский шалман... — вполголоса отозвался парень, криво улыбнувшись.

— Что? — перед глазами пожилого мужчины замелькали цветные пятна, в висках застучало.

— Ничего! Сиди, Лабух! Разговор есть!

Ему показалось, что свет в зале померк.

Сорок лет никто не называл его этой кличкой... он надеялся прожить остаток жизни и больше никогда ее не услышать. И вдруг... как будто приоткрылась дверь в прошлое, и оттуда потянуло холодом. Этот парень... он слишком молод, его тогда и на свете не было...

— Привет тебе от Соленого! — проговорил уголовник вполголоса. — Велел спросить, не забыл ли ты его... его и завмага Пал Палыча...

Не забыл ли он...

Да он скорее забудет самого себя.

Умирать будет — непременно вспомнит тот день...

Это было примерно сорок лет назад, когда он был глупым, молодым и некультурным. Он жил в небольшом старинном городке Зареченске, где была птицефабрика, завод минеральных удобрений, пересыльная тюрьма, извилистая речка Сысойка, в которой все местные пацаны ловили плотву

и шурят, две церкви и Дом культуры. Еще в Зареченске по странной иронии судьбы была музыкальная школа. И в эту самую школу отдала его мать. Она работала бухгалтером на птицефабрике и хотела, чтобы ее единственный сын, ее кровиночка, выбрался из нищеты и мрака провинциальной жизни. Почему-то она вообразила, что зареченская музыкальная школа поможет ему в этом.

Музыкальную школу он окончил без большого труда, но учиться дальше не получилось. Для этого у него не было достаточных способностей, а у матери — достаточных связей. Музыкальная школа действительно помогла ему только в одном: он выяснил, что обладает абсолютным слухом. Правда, тогда же он узнал, что абсолютный слух без связей ровным счетом ничего не дает.

В армию его не призвали: кроме абсолютного слуха у него обнаружилось плоскостопие. Возможно, для этого все же хватило связей его матери.

И в то же время на птицефабрике обнаружилась значительная растрата: мать, стараясь создать единственному сыну приемлемые житейские условия, запустила руку в карман государства. Ее отправили не в свою, зареченскую тюрьму, а куда-то очень далеко, на восток, в другой конец одной шестой части суши. Ее отправили так далеко, что сын ни разу не воспользовался правом на свидание.

Он очень разозлился на мать. Не на то, что та проворовалась, а на то, что попалась и оставила его в нищете.

Тут-то ему и пригодился абсолютный слух: окончив курсы в областном центре, он стал работать настройщиком. Как ни странно, в их городке многие родители покупали своим детям музыкальные инструменты. Чаще всего — недорогие пианино ленинградской фабрики «Красный Октябрь», но попадались и довоенные немецкие рояли, так что профессия настройщика оказалась довольно востребованной.

Кроме того, время от времени он подрабатывал на свадьбах и похоронах — играл на трубе в составе маленького самодеятельного оркестра, которым руководил старый аккордеонист, преподаватель из музыкальной школы. Тогда-то он и получил среди местной шпаны сомнительную кличку Лабух.

С местной шпаной он сталкивался довольно часто: как-никак они выросли на одних пустырях, в детстве вместе ловили рыбу в речке Сысойке и лазали за яблоками в чужие сады. Теперь все выросли и занимались другими делами, более серьезными, чем кража яблок, но Лабух время от времени играл с прежними приятелями в карты или пил пиво в шалмане, расположенном напротив тюрьмы, где веселая буфетчица Люська иногда наливала в долг.

Понятное дело, там где пиво и карты, нередко случались драки, в которых Лабуху порядком доставалось.

По непонятной причине ему покровительствова-
вал знаменитый вор по кличке Соленый. По слухам, Соленый отслужил несколько лет на флоте, где приобрел шикарную развалистую походку, нехоро-

шую болезнь и несколько специфически морских выражений. Бывший моряк не раз выручал слабо- сильного Лабуха в драке, пил с ним разбавленное пиво и приговаривал, похлопывая по плечу:

— Умный ты парень, Лабух.. больших дел на- делаешь, если милиция не остановит. А я умных люблю... сам бы хотел умным быть, да дураком ро- дился!

Как-то в шалмане завязалась серьезная игра.

Лабух, который обычно играл по маленькой, ув- лекся и неожиданно для себя проиграл огромные по тем временам деньги.

Его противник требовал немедленно рассчи- таться, грязно ругался, грозил ножом...

К счастью, вовремя вмешался Соленый. Он спе- циальным матросским приемом выбил у задиры нож и как следует врезал тому, но после взял у бе- зотказной Люськи пару кружек пива и сел рядом с Лабухом за щербатый, прожженный окурками стол.

— Чего ж ты, парень, на такую мель сел? — проговорил он, положив на плечо Лабуху тяжелую руку. — Ты же парень умный, грамотный... знаешь, что нельзя под килевую волну зарываться. Теперь ничего не поделаешь — карточный долг святой, придется отдавать. Я бы и хотел тебе помочь, да не могу. Не по понятиям это...

— Но у меня нет таких денег, Соленый!

— Раньше думать надо было! Где хочешь доста- вай...

Соленый задумался, и вдруг лицо его посветлело:

— Слушай, Лабух, а ведь я знаю, как твоему горю помочь! Ты ведь бываешь в доме у завмага Пал Палыча... ты ведь инструмент ему настраиваешь...

— Ну, бываю, и что с того? Он мне ни за что не поможет, тот еще скупердяй! У него копейку-то лишнюю никогда не выпросишь, а тут такие деньги...

— Понятное дело, сам он не поможет. Не тот человек. Но вот если мы с тобой подсуеетимся...

Далеко не сразу до Лабуха дошло, что Соленый предлагает ему на пару ограбить квартиру завмага.

В первый момент он испугался, но потом подумал, что Соленый прав, это — единственный способ отдать проигрыш. Колебался он недолго — завмаг действительно был редкостным скупердяем, да и Соленый заверил, что все пройдет без шума и пыли.

— Главное дело, что ты у него бываешь, знаешь, где что стоит, где что лежит, кто когда возвращается...

Сперва все действительно шло гладко.

Соленый без проблем открыл дверь, они набили огромный фибровый чемодан вещами — уложили котиковую шубу жены завмага, жакет с горжеткой, несколько отрезков, трофейный фотоаппарат, часы, серебряные ложки.

Соленый возился с замком небольшого дубового шкафчика, на который он имел большие надежды, как вдруг негромко хлопнула входная дверь.

Обернувшись, Лабух увидел в дверях комнаты Пал Палыча.

В руках у завмага была охотничья двустволка — та самая, которая обычно висела на стене возле пианино.

Совершенно некстати в голове у Лабуха всплыла где-то услышанная фраза — ружье, которое висит на стене, когда-то обязательно выстрелит...

Его внезапно обдало холодом, руки задрожали, ноги словно налились свинцом. Он представил, как дробь из обоих стволов разрывает его живот...

К счастью, завмаг смотрел не на него, а на Соленого, и его палец уже лежал на спусковом крючке...

У самого Лабуха в руке оказался тяжелый медный подсвечник.

Соленый дико выпучил глаза и крикнул ему:

— Бей!

Думать было некогда.

Лабух ударил Пал Палыча подсвечником. Удар пришелся в висок. Завмаг глухо крикнул и завалился на бок, выронив ружье и широко раскинувшись на полу, как будто просто прилег отдохнуть. Его открытые глаза, тусклые, как у выброшенной на песок шуки, смотрели куда-то в угол.

— Ты чего, Лабух, сдурел? — неожиданно тонким голосом проговорил Соленый. — Ты ж его убил!

— Но ты же сам сказал — бей!

— Бей, да дело разумеи! — отмахнулся вор. — С умом бить надо было, не насмерть... чтоб только сомлел... ты же умный парень, Лабух, а тут такого дурака сморозил! Ну да ладно, нюни распускать после будем, сейчас надо отсюда сваливать!

Тем не менее он вскрыл-таки шкафчик, что-то оттуда выгреб — Лабух не видел что. Он вообще ничего не видел, кроме тусклых пустых глаз мертвого завмага.

Послушно, как кукла, он взял чемодан с ворованными вещами и вслед за Соленым ушел из дома. Дотащил чемодан до сарая, на который указал Соленый, и вернулся к себе.

До утра он трясся, не сомкнув глаз, а потом отправился напрямик в шалман.

Там его уже подждал Соленый.

— Чего, колотит? — он подмигнул Лабуху. — В первый раз оно завсегда так! Не дрейфь!

Понизив голос, он сообщил, что продал вещи и отдал за Лабуха карточный долг. А также сообщил, что завтра они пойдут брать квартиру заведующего Домом культуры Васильева, у которого Лабух тоже настраивал пианино.

Лабух молча кивнул и отправился на вокзал. Там он сел на поезд Свердловск — Ленинград, который останавливался в их городе на две минуты, и через сутки уже был в Северной столице.

С тех пор прошло больше сорока лет, и он иногда думал, что все это ему приснилось. Правда,

время от времени он видел во сне мертвые глаза завмага и окровавленный подсвечник в своей руке. После такого сна он просыпался весь в поту, с тяжело бьющимся сердцем, поднимался, шел босиком на кухню и долго пил прямо из чайника тепловатую ржавую воду.

Но потом снова засыпал и спал без снов, тяжелым, горьким сном глубоко одинокого человека.

Но вот сегодня прошлое окликнуло его гнусавым голосом молодого уголовника.

— Вижу — не забыл! — ухмыльнулся парень, нагло сверкнув золотым зубом. — Ну и ладушки! Ты только, Лабух, имей в виду — по убийствам нет срока давности! Это я так, на всякий случай, чтоб уж никакого лишнего треп... Соленый говорил, что ты — мужик умный, толковый, все и так поймешь!

— Жив, значит, старый кровосос? — пожилой человек обрел наконец дар речи.

— А че ему делается-то? Живее всех живых, как говорится! Чтоб не сглазить! — и золотозубый постучал по столу.

— И чего вам от меня надо? — проскрипел бывший Лабух, неожиданно почувствовавший себя ужасно старым.

— Чего нам надо? Известно, чего нам надо. Ты ведь, папаша, как и прежде настройщиком работаешь?

— Зачем спрашивать, если сам все знаешь...

— Верно — я про тебя все знаю. Знаю, например, что ты в один дом вхож...

— Подожди, — пожилой мужчина поднял руку предостерегающим жестом. — Разговор, как я понимаю, будет серьезный, а здесь место ненадежное... лишних ушей много!

Действительно, за соседним столиком сидел лысоватый мужчина средних лет, который то и дело бросал в их сторону заинтересованные взгляды.

— Выйдем на улицу, пройдемся... такие разговоры на свежем воздухе вести сподручнее!

— Что ж ты, папаша, спектакль-то свой не досмотришь? — золотозубый ухмыльнулся.

— Ничего, дай бог не последний!

Двое мужчин молча поднялись, вышли из буфета, спустились по широкой мраморной лестнице и покинули здание театра. Пройдя по площади, свернули в тихий сквер.

Свободных скамеек в этот вечерний час не было, но когда они приблизились к одной из них, с нее вскочил высокий, хорошо одетый мужчина лет тридцати. Нервно оглядываясь и что-то вполголоса бормоча, он неровной, прыгающей походкой зашагал по дорожке сквера и неожиданно налетел на другого человека, постарше, в надвинутой на глаза кожаной шляпе.

— Какая у вас публика нервная! — насмешливо проговорил золотозубый, усаживаясь на освободившуюся скамью. — Пугливая!

— У тебя, парень, вид такой — кто хочешь испугается, — отозвался его пожилой спутник.